

Глава VIII. Новая генеалогическая ветвь Дома Романовых

Единственный сын императрицы Екатерины II Павел I, как и его отец, – одна из самых загадочных фигур российской истории на рубеже двух столетий, личность, жизнь и трагическая смерть которой привлекали и продолжают привлекать к себе внимание ученых. К сожалению, в исторической науке этот монарх изображен, преимущественно, негативно, односторонне, что не позволяет иметь объективное и полное представление о нем, как о политическом деятеле.

Современники сына Великой Екатерины свидетельствуют, что он прекрасно знал историю (и не только отечественную), с ранних лет увлекался математикой, в совершенстве владел французским и немецким языками, был весьма начитан, хорошо знал произведения европейских писателей, философов, любил живопись и архитектуру.

«Природа дала Павлу живой, наблюдательный ум, впечатлительную душу и доброе сердце, способное к благородным порывам чувств истинно рыцарских, – говорилось в одной из публикаций на страницах журнала „Исторический вестник“ за 1896 год, – он любил правду и не терпел лести, но был нетерпелив, непостоянен, вспыльчив и склонен подчиняться чужому мнению, искусно внушаемому». Историк К. Валишевский писал: «Из рук Екатерины и Панина Павел вышел человеком не глупым и не развращенным. Всех, кто знакомился с ним, он поражал обширностью своих знаний и очаровывал своим умом. Он долгое время был безупречным супругом и до последней минуты жизни страстно поклонялся истине, красоте и добру. Несмотря на все это, он собственными руками вырыл ту пропасть, где погибли сперва его счастье, а затем и его слава и его жизнь.

Была ли Екатерина виновата в этом несчастье? Да, конечно, она была виновата в том, что забрызгала кровью колыбель своего сына».

Когда скончалась Екатерина II, ее наследнику, единственному сыну и новому российскому самодержцу Павлу I, уже шел сорок третий год. На царство он венчался 5 апреля 1797 года, в первый день Пасхи. Для коронации Павла Петровича ювелиром Дювалем была сделана большая императорская корона, отличавшаяся еще большей стоимостью украшений, чем прежняя. Был также сделан и новый скипетр в виде золотого жезла, осыпанного алмазами и другими драгоценными камнями. Главным украшением на нем был бриллиант в 200 каратов, поднесенный Орловым Екатерине II.

Рядом с Павлом I под балдахинем шла в Успенский собор Мария Федоровна. Император был одет в военный мундир прусского покроя, с напудренной головой и косой. В соборе, перед коронаванием, митрополит Новгородский Гавриил возложил на него поверх мундира так называемый далматик из малинового бархата – древнюю одежду византийских императоров.

Вместе с Павлом I короновалась и его супруга Мария Федоровна. По отношению к ней руководствовались тем обрядом, который был принят при коронации Екатерины I. На нее Павел возложил корону сам, как это сделал в свое время Петр I при коронации Екатерины I. Но была одна новая деталь в этом торжественном обряде. Павел I сначала прикоснулся снятою с себя короной к голове Марии Федоровны, потом молча подержал ее некоторое время над императрицей и уже затем возложил малую корону на свою супругу.

Император поселился в Зимнем дворце, выбрав для себя и своего многочисленного семейства апартаменты, занимаемые им в то время, когда он был здесь еще юношей, приказав обставить их, по возможности, скромно и просто. Первые дни своего правления

Российской империей Павел всецело посвящал не только государственным делам, но также супруге и детям.

К началу 1801 года против императора Павла I возник дворцовый заговор высшего столичного офицерства во главе с военным губернатором Петербурга графом П. А. Паленом. Ночью 11 марта этого года заговорщики осуществили свой план: убив законного монарха, они провозгласили повелителем России его старшего сына Александра. «Насилие, которым положен был конец царствованию императора Павла, – писал историк А. Г. Брикер в книге „Смерть Павла I“ – явление в истории России не единоличное. Событие это представляет собою, скорее, завершение целого ряда переворотов, происходивших в течение XVIII столетия».

17 марта 1801 года в 7 часов вечера тело покойного императора Павла I было перенесено в тронный зал Михайловского замка, а в субботу 23 марта – в Петропавловский собор. В похоронной процессии за гробом отца следовал император Александр в черной мантии и шляпе с флером; за ним шли великий князь Константин Павлович с супругой. Императрица Мария Федоровна осталась в Михайловском замке, обессилившая от слез и горя. В тот же вечер состоялось отпевание и погребение в Петропавловском соборе.

Сын Екатерины II занимал российский престол четыре года, четыре месяца и шесть дней.

У Павла Петровича и Марии Федоровны, положивших начало новой генеалогической ветви на династическом древе Российского Императорского Дома Романовых, было девять детей: четыре сына (Александр, Константин, Николай, Михаил) и шесть дочерей (Александра, Елена, Мария, Екатерина, Ольга, Анна). Все четыре сына и пять дочерей (кроме Ольги) находились в династических связях с представителями владетельных домов Германии в первом поколении, и от них образовались последующие поколения, вплоть до последнего российского монарха Николая II (пятое поколение). Младшая дочь императора Павла Петровича, Елена, родившаяся в 1785 году, была замужем за наследным герцогом Мекленбург-Шверинским и скончалась в 1803 году, в расцвете своей молодости. Ее сестра Мария, впоследствии герцогиня Саксен-Веймарская, наоборот, прожила до семидесяти трех лет. Анна, королева Нидерландская, – до шестидесяти двух.

Великая княжна Александра Павловна, больше всех своих сестер походившая на старшего брата Александра, с самых детских лет отличалась многими способностями. Императрица Екатерина II в письме к Гриму от 18 сентября 1790 года писала: «Она говорит на четырех языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине, поет, танцует, понимает все очень легко и обнаруживает в характере чрезвычайную кротость...» Традиционно, с наступлением девических лет Александра стала предметом политических соображений царствовавшей бабушки.

Начавшая в 1789 году французская революция активизировала русскую самодержицу в поисках европейских союзников. Выбор Екатерины II пал на шведского короля Густава III, и ее план начал уже успешно развиваться, так как тот первым высказал мысль о браке внучки русской императрицы со своим сыном, наследным принцем Густавом-Адольфом, которому было тогда всего тринадцать лет. Однако вскоре случилось непредвиденное: в начале 1792 года Густав III был убит террористами. Генерал Клингспорр, посланный в Петербурге уведомлением об этом, первым сообщил императрице о проекте бракосочетания, который покойный король составил для наследника своего престола.

В октябре 1793 года регент Густава-Адольфа IV герцог Зюдерманландский послал в Петербург графа Стенбока с поручением – поздравить Екатерину II с бракосочетанием ее внука, наследника русского престола великого князя Александра Павловича с принцессой Баденской. В столице Стенбок начал официальные переговоры с великой княжной Александрой Павловной. На этих переговорах уполномоченным Екатерины II выступал граф, светлейший князь Платон Зубов, последний фаворит императрицы.

Екатерина хотела, чтобы жених приехал в Петербург, но выяснилось, однако, что по шведскому закону король не может выехать из отечества до своего совершеннолетия.

Несмотря на это непредвиденное обстоятельство, переговоры были успешными: предполагалось, что невеста не изменит своего вероисповедания, шведы согласились. При дворе Екатерины II о браке говорили как о решенном деле.

Однако спустя год в Стокгольме в результате борьбы придворных партий – сторонников и противников России – возник вопрос о вероисповедании невесты. Поскольку Екатерина не шла на уступки, регент герцог Зюдерманландский публично объявил о помолвке Густава-Адольфа IV с принцессой Мекленбург-Шверинской. Такого хода в русской столице меньше всего ожидали.

События, происходившие в самой Швеции, между тем вновь поставили на повестку дня вопрос о браке тринадцатилетнего короля и юной Александры Павловны. Партия прорусски настроенных шведских дворян обвинила регента в том, что он умышленно мешает браку своего племянника с русской княжной. Узнав об этом, императрица посылает с секретной миссией своего доверенного агента, генерала Будберга, в Стокгольм, и тот переубеждает герцога Зюдерманландского. Переговоры посланца Екатерины II закончились тем, что в середине августа 1796 года регент вместе с Густавом IV прибыл в Петербург.

Молодой и красивый король Швеции произвел большое впечатление на Петербургский двор: сама императрица с первой же встречи с женихом Александры была в восхищении от него, всем придворным он полюбился. Но самое главное заключалось в другом – и Густав IV и великая княжна Александра Павловна взаимно понравились друг другу. Желание короля жениться на внучке русской императрицы, казалось, снимало проблему верности лютеранской вере. Более того, принцессе Мекленбургской было отправлено сообщение об отказе Густава IV жениться на ней. Шведский посланник Стедингот имени короля просил руки великой княжны Александры Павловны, и обручение было назначено на 11 сентября 1796 года. «Добрый и дорогой мой друг, – писал великому князю Павлу Петровичу его супруга Мария Федоровна, – благословим Господа, обручение назначено в понедельник вечером в бриллиантовом зале...» – и спрашивала, «будет ли у него времени приехать на обручение его дочери?». Содержание письма матери невесты свидетельствовало, что замужество Александры Павловны и Густава IV дело уже решенное. Однако случилось совершенно неожиданное.

В семь часов вечера весь двор императрицы в парадном платье собрался в Тронном зале Зимнего дворца. Сперва появилась невеста в сопровождении младших сестер и великих князей с их супругами, затем с блестящей свитой вошла и сама императрица Екатерина II. Все были в сборе, кроме жениха. Прошло назначенное время, пробило восемь часов, затем девять часов. Императрица ждала пять часов, не понимая происходящего, и когда растерявшийся граф Зубов доложил ей о причине отсутствия жениха, с ней произошел легкий удар. Как считают многие историографы, именно он явился предвестником вскоре последовавшего смертельного апоплексического удара.

Несостоявшееся обручение великой княжны Александры Павловны для самовластной императрицы Екатерины II стало актом величайшего унижения. Это был единственный случай, когда она не смогла осуществить свой замысел.

Отказ Густава IV прибыть на обручение произошел по следующей причине. Когда граф Морков, главное действующее лицо в брачных переговорах, привез в шесть часов вечера 11 сентября жениху брачный договор, последний отказался его подписывать, так как обнаружил новые статьи, не согласованные с королем. Ни русские министры, на даже шведы из окружения Густава IV не смогли уговорить его подписать брачный договор. Продолжавшиеся в последующие дни переговоры со шведским королем не дали желанных результатов. 20 сентября 1796 года шведские высокие гости выехали из Петербурга.

Переговоры о браке продолжались и после смерти Екатерины II; Густав IV еще раз посетил русскую столицу, но все закончилось тем, что после одной скандальной ситуации в театре император Павел I отправил своего августейшего гостя в Стокгольм. На этом и закончилось затянувшееся сватовство. Шведский король женился на внучке маркграфа Баденского принцессе Фридерике-Доротее, младшей сестре супруги Павла I, великого

князя Александра Павловича. Неуравновешенный, вспыльчивый Густав IV закончил свою политическую карьеру 29 марта 1810 года добровольным отречением от престола. В том же году супруга Фридерика развелась с ним и уехала жить в Германию.

Таким образом, дочь Павла I, влюбленная в шведского короля, по все видимости, не могла бы быть с ним счастлива и была спасена от неудачного брака. Дальнейшие события в жизни великой княжны Александры Павловны показали, что и в состоявшемся браке она не получила счастья. Как писал Е. Карнович, «казалось, что какой-то роковой жребий тяготел над этой девушкой, вызывавшей к себе общую любовь и общее сочувствие».

Второй брак Александры Павловны – с эрцгерцогом Австрийского двора Иосифом – стал предметом политических расчетов. Спустя три года после несостоявшегося обручения со шведским королем в связи с усилением Франции наметилось сближение Венского и Петербургского императорских домов. В феврале 1799 года новый жених великой княжны, двадцатитрехлетний эрцгерцог посетил Петербург. Обручение Александры Павловны и верховного палатина (верховного правителя. – А. М.) состоялось 20 февраля в Зимнем дворце. Осенью того же года, 19 октября, был заключен брак. В опубликованном по случаю этого брачного союза Манифесте говорилось, что «вторично ознаменовались щедроты Всевышнего над домом нашим через бракосочетание любезнейшей дочери нашей, ея Императорского Высочества Великой Княжны Александры Павловны с королевским высочеством эрцгерцогом Иосифом, палатином венгерским». В обнародованном Высочайшем указе дочь Павла I именовалась теперь так: «Ея Императорское Высочество Великая Княгиня эрцгерцогиня австрийская». Уже 12 ноября новобрачные уехали из Петербурга в Вену.

Семнадцатилетняя эрцгерцогиня оказалась в очень затруднительном положении: Венский двор – ярый приверженец католической церкви – настороженно встретил православную супругу венгерского палатина. Императрица Тереза сразу же в лице Александры Павловны увидела свою соперницу. В замужестве дочь Павла I прожила только пятнадцать месяцев. Предвестником беды явились продолжительные и очень тяжелые роды Александры Павловны. Родилась дочь, прожившая лишь несколько часов. Врачи надеялись, что после мучительных родов эрцгерцогиня вскоре поправится. Однако на девятый день после рождения ребенка у нее начался горячечный бред, и 4 марта 1801 года она скончалась в возрасте 17-ти лет. Эрцгерцог, узнав о смерти любимой супруги, упал без чувств. Убитый горем, он отправился на богомолье по католическим храмам. Александра Павловна была похоронена в деревушке, в десяти верстах от Офена (Будапешта).

Елена Павловна, вторая дочь Павла I, была супругой принца Мекленбург-Шверинского Фридриха-Людвига. От этого брака родились сын Павел и дочь Мария (она была замужем за герцогом Саксен-Альтенбургским Георгом), который имели потомство в последующих поколениях.

Великий герцог Саксен-Веймарский Карл-Фридрих был женат на Марии Павловне, и у них было четверо детей: два сына (Павел и Карл-Александр) и две дочери (Мария и Августина – германская императрица, супруга императора Вильгельма I). Одна из младших дочерей Павла I, Екатерина Павловна, в первом браке была замужем за принцем Гольштейн-Ольденбургским Георгом, а во втором браке – за Вильгельмом I, королем Вюртембергским. Кстати, дочь Павла I и Вюртембергский король явились родоначальниками рода Ольденбургов.

Принцесса Саксен-Веймарская Амалия – это супруга принца Вильгельма-Фридриха-Генриха, сына Анны Павловны и Вильгельма I, короля Нидерландов. И, наконец, о младшем сыне императора Павла I – Михаиле Павловиче. Он был женат на принцессе Вюртембергской (в православии Елене Павловне). У них родилось пять дочерей (Мария, Елизавета, Екатерина, Александрина, Анна), из которых Екатерина Михайловна являлась супругой герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга. Они тоже имели потомство.

Старшему сыну Павла I – Александру Павловичу – было 23 года и три месяца, когда он вступил на престол. Молодой и энергичный император Александр I получил сложное наследство в начале XIX столетия. Если его великая бабка, императрица Екатерина II,

капитулировала перед мощью дворянского класса, которую сама же всемерно и укрепляла, то отец, Павел I, погиб при попытке ограничить силу дворянства. Когда сын Павла встал у руля государственного управления, Россия находилась в условиях необходимого перехода от самодержавно-крепостнического строя к новым, более эффективным формам социально-экономической структуры и организации общества.

Был ли готов новый император решать насущные и сложные задачи, вставшие перед Россией? Здесь уместно напомнить, что в детстве два лица оказали на него решающее влияние: бабка Екатерина II и воспитатель Лагарп. Императрица стремилась дать Александру не столько широкое и солидное образование, сколько духовное воспитание. Видимо, в данном случае не стоит забывать и того обстоятельства, что память о дне 11 марта нависла неисчезающей тенью над всей дальнейшей жизнью и деятельностью Александра I, который был в принципе участником заговора против своего отца.

Что же касается семейной жизни императора Александра I, то в начале казалось, что брак любимого внука Великой Екатерины с Елизаветой Алексеевной будет счастливым. Но, как пишут его биографы, непостоянство и потребность в страстной любви тянули Александра I к другим женщинам, поэтому супруга жила совершенно отдельной, уединенной жизнью.

Наконец, его пленила, и, судя по свидетельствам современников, окончательно, полька Мария Антоновна Нарышкина, дочь князя Четверинского, который во время варшавских волнений 1794 года был повешен восставшими. Мария была замужем за любимцем Александра I Дмитрием Нарышкиным. Император, увидев супругу Нарышкина впервые, сразу же влюбился, притом – смертельно. И имел успех.

Результатом этой связи было трое детей, из которых Александр очень любил дочь Софью. Все дети назывались Нарышкиными. Мария Нарышкина, однако, не была верной своему венценосному любовнику, ибо, обманывая и мужа и императора, имела романы с другими мужчинами из царской свиты. После разрыва с Нарышкиной Александр I вновь начал жить с супругой Елизаветой Алексеевной, но счастливые времена уже к ним не вернулись. У них было две дочери – Мария (1799-1800) и Елизавета (1806-1808), которые умерли во младенческом возрасте.

Из всех своих сестер наиболее близкие отношения Александр I имел с великой княжной Екатериной Павловной – четвертой дочерью Павла I, любимой внучкой императрицы Екатерины II. Она отличалась умом, красотой, энергией. День, когда родилась Екатерина Павловна, едва не стал последним для ее матери Марии Федоровны. Помогла великая бабушка. 11 мая 1788 года императрица Екатерина II по случаю рождения внучки писала светлейшему князю Потемкину-Таврическому следующие строки: «Любезный друг, князь Григорий Александрович. Вчерашний день великая княжна родила дочь, которой дано оное имя, следовательно, она – Екатерина; мать и дочь здоровы теперь, а вчерась материна жизнь была два часа с половиною на весьма тонкой нитке; видя крайность, я решилась приказать Асофеиру (акушеру) спасти ее жизнь, за что теперь меня и муж и жена много благодарят».

Когда дочери подросли, то для уже вдовствующей императрицы Марии Федоровны поиск для них женихов и выдача их замуж стало одной из главных забот. Так, когда в 1807 году Екатерине Павловне исполнилось двадцать лет, князь А. Б. Куракин получил задание найти для великой княжны жениха. Поездка русского посла по европейским странам дала хорошие результаты: претендентов на руку любимой сестры императора Александра I оказалось много. Среди них – сразу несколько австрийских эрцгерцогов, принц Генрих Прусский, принц Баварский, а также принц Леопольд Кобургский (будущий король Бельгии). Разумеется, как это было еще при Екатерине II, все кандидаты обязательно обсуждались в переписке князя с Марией Федоровной. «Я должен донести Вашему Императорскому Величеству, – писал А. Б. Куракин 28 июня 1807 года, – что на днях я познакомился в доме императора Наполеона за один раз с Баварским наследным принцем и принцем Генрихом Прусским. Они оба сказали мне множество учтивостей; оба они заики. Принц Генрих больше ростом и красивее, заикается менее, чем наследный принц. Что

касается последнего, его наружность весьма невыгодна: рост его средний, он рыж, ряб, заика и, как уверяют, туг на ухо, но он, кажется, весьма кроток, добр, твердого и превосходного характера; в этом ему отдают справедливость даже французы. Все-таки я откровенно сознаюсь Вашему Величеству, что, по-моему, ни один из этих принцев не достоин руки Ее Величества Вел. Кн. Екатерины и что она не может быть счастливой ни с тем, ни с другим!»

В числе претендентов оказался Наполеон; Коленкур, названный в 1808 году французским посланником в Петербурге, получил от Бонапарта инструкцию весьма щекотливого свойства, коей ему повелевалось разведать о том, как отнесся Русский Двор к предложению Наполеона о браке с Екатериной Павловной.

Исполняя это поручение, Коленкур как бы невзначай завел однажды разговор с вдовствующей императрицей о том, какое значение следует придавать снам, и при этом передал со всевозможными предосторожностями, что он видел накануне во сне, будто Наполеон просит руки великой княжны Екатерины Павловны. На это императрица Мария Федоровна ответила Коленкуру тоном, который не мог не смутить его: «Господин посланник, вы не знаете, что сны лгут».

Важно подчеркнуть один существенный момент: в выборе жениха императрица-мать предоставляла полную свободу самой Екатерине Павловне. Об этом свидетельствуют, в частности, письмо Марии Федоровны старшему сыну – императору Александру I по поводу кандидатуры принца Генриха Прусского. «Как вам известно, – писала она, я даю свое согласие на брак моей дочери лишь в том случае, если этот брак заключается по добровольному желанию дочери, склонности которой я отнюдь не стесняюсь в столь важном вопросе. Между тем личное знакомство моей дочери Екатерины с принцем Генрихом Прусским может состояться не ранее как через год: настоящий момент переживаемого нами кризиса не благоприятствует этому; но в течение этого года нам представится возможность убедиться в искренности и лояльном чувстве Берлинского двора по отношению к нашему Двору. И если его намерения не изменятся, если наша дочь, познакомившись с принцем, будет питать надежду на то, что она будет с ним счастлива, то она сама решит свою судьбу добровольным избранием, на которое я в таком случае дам свое согласие».

В связи с тем, что в 1807 году овдовел австрийский император Франц, у императрицы Марии Федоровны возник план брачного союза с ним Екатерины Павловны. Хотя великая княжна и была согласна, Александр I высказался решительно против, несмотря на инициативу своей матери.

Представляется, что для читателя весьма интересным станет факт о намерении французского императора Наполеона I заключить брак с сестрой русского царя, великой княжной Екатериной Павловной. Сама идея сватовства принадлежала вдовствующей императрице Марии Федоровне. Именно она отправила князя А. Ю. Куракина в Европу с поручением выяснить возможности заключения такого брака. Александр I был против, но все возражения Александра I и мать, и сестра Екатерина Павловна считали слабыми, не главными. Сын Марии Федоровны вынужден был смириться с их планом и лишь попросил их не форсировать это деликатное дело.

Между тем в петербургских великосветских салонах уже обсуждали предстоящее замужество сестры Александра I, предрекая ее прекрасное будущее. Канцлер Н. П. Румянцев поручил графу П. А. Толстому, тогдашнему главе российского посольства в Париже, выяснить побольше конкретного по предстоящему браку. Царило настроение уже решительного дела. Более того, во время сентябрьской встречи двух императоров в Эрфурте именно Наполеон проявил инициативу по вопросу о «русском браке». К моменту встречи Наполеон, видимо, окончательно решил установить династическую связь с Домом Романовых, увидев в этом политическом акте явные преимущества в реализации своих стратегических замыслов.

Доверенным лицом французского императора в переговорах с русским царем был бывший министр иностранных дел Талейран. Наполеон совершил ошибку, доверив это

щекотливое дело ему: тот предал своего императора. Предчувствуя закат Великой французской державы, Талейран в конфиденциальных встречах с Александром I, наоборот, стремился убедить царя, что союз с Россией есть лишь временный этап Наполеона на пути к мировому господству.

(В то же время при личной встрече с Александром I Наполеон говорил о желании иметь детей, впервые рассказал о разводе с Жозефиной Богарне и интересовался Екатериной Павловной.)

В Петербурге Александр I изложил содержание бесед с Талейраном и самим венценосным женихом своей матери и сестре. И если Екатерина Павловна отнеслась к сообщению брата спокойно, то Мария Федоровна перешла сразу же к активной реализации запасного варианта для своей дочери: принца Георга Ольденбургского официально объявили женихом Екатерины Павловны. 1 января 1809 года состоялось обручение молодых, а 18 апреля – свадьба. Супруг любимой сестры царя получил в свое ведение министерство водных путей сообщения и генерал-губернаторство в Твери.

Как ни странно, замужество Екатерины Павловны не смутило французского императора, хотя в петербургском дворе полагали, что ему нанесен чувствительный удар по самолюбию. 25 ноября 1809 года посланник Франции в русской столице Коленкур получил лично от Наполеона I письмо, в котором ему поручалось совершенно секретно узнать у Александра I: может ли французский император рассчитывать на руку другой сестры царя, Анны Павловны, в случае развода с Жозефиной Богарне.

Узнав об этом новом проекте, Мария Федоровна писала 23 декабря замужней Екатерине Павловне: «Во вторник 21 числа приехал в Гатчину Александр; он казался озабоченным, хотя и делал вид, что он в духе. После обеда, когда мы остались одни, он сказал: „Матушка, вы просили, чтобы я поделился с вами, когда меня будет что-нибудь тревожить; в настоящую минуту есть одно обстоятельство, которое меня очень беспокоит. Бога ради не прерывайте меня, дайте мне докончить, ибо дело слишком важное и может иметь, какое бы ни было принято нами решение, чрезвычайно важные последствия“.

Я обмерла от страха, сердце мое замерло, так как я думала, что дело касается лично Александра. Я еле дышала. Он продолжал: „Из Парижа прибыл курьер; там совершаются необычные события. Император разводится с императрицей; она и ее сын изъявили на это свое согласие; акт о разводе вскоре будет обнародован. Куракин пишет мне, что семейство Бонапарта хочет, чтобы он женился на своей племяннице, дочери Люсьена; говорят, однако, что он, Бонапарт, имеет виды на Анну; иные говорят, что выбор падет на эрцгерцогиню, дочь императора Франца. Вы знаете, что я не верил этих слухам, когда дело касалось Като, но теперь я им верю, и вы можете судить, насколько это меня тревожит; если он задумал это и сделает известные шаги, что ответить ему? Все говорит против этого брака, но отказ вызовет озлобление, недоброжелательство, самые мелочные придирки, ибо нужно знать человека, который будет нами оскорблен. Если его выбор падет на эрцгерцогиню, то он сблизится с Австрией и склонит ее действовать нам во вред, дабы доказать нам, что если мы пренебрегли его союзом, то он сумеет устроить дело так, что союз с ним будет полезен той державе, которая им дорожит, и будет во вред нам. Я могу предсказать, что в Вене будут рады союзу с Наполеоном. Что скажет народ, если наш отказ повлечет за собой прискорбные последствия? Словом, по моему мнению, ничего худшего с нами приключиться не могло. Если придется ему отказать, что отвечать, на что сослаться? Какую выставить причину? Все эти соображения в высшей степени важны; их нужно обсудить спокойно, не спеша“».

Уверенный в успехе «русского брака», Наполеон поспешил расторгнуть гражданский брак с Жозефиной, несмотря на ее отчаянное сопротивление.

Между тем Александр I после бесед с Коленкуром отправился к матери в Гатчину и сообщил о намерении Наполеона. И на сей раз было решено отказать, хотя Александр I и Мария Федоровна предвидели, какие последствия могут быть для России в будущем. Царь в мягкой форме сказал Коленкуру, что мать невесты согласна выдать дочь замуж только по достижению ею восемнадцати лет, в 1812 году. Наполеон воспринял отказ Петербурга как

оскорбление, и 17 января он заключил брачный союз с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой. Уклончивый, равносильный отказу ответ на сватовство Наполеона к Анне Павловне были первым поводом к охлаждению между союзниками, приведшему два года спустя к окончательному разрыву.

Энергичная Екатерина Павловна сопровождала любимого брата во всех походах, была с ним на Венском конгрессе. Ее муж, Георг Ольденбургский, скоропостижно скончался, и в 1815 году великая княгиня вышла замуж за Вильгельма Вюртембергского. Второму мужу она подарила трех дочерей.

Спустя месяц после бракосочетания Екатерины Павловны состоялась свадьба и ее сестры Анны с принцем Оранским, наследником нидерландского престола. Долгой и счастливой была супружеская жизнь скромной дочери Павла I и внучки Екатерины II: почти столетия она царствовала вместе с мужем. Их сын король Вильгельм III был женат на дочери Екатерины Павловны, принцессе Софии Вюртембергской.

Великая княжна Екатерина Павловна проводила большую часть года в замке Бельвю, который был подарен ей королем Фридрихом; этот замок расположен в живописной местности неподалеку от Штутгарта. Жизнь она вела весьма деятельную; по ее личной инициативе было создано благотворительное общество для оказания помощи бедным. С истинно царской щедростью король и королева подавали пример своим подданным. Но особенно много времени Екатерина Павловна посвящала воспитанию своих детей.

Великая княгиня полагала, что для этого мало материнской любви, и супруг помогал ей с истинно отцовской заботливостью.

В конце декабря 1818 года Екатерина Павловна заболела ревматической лихорадкой, к которой вскоре присоединилось воспаление головного мозга, и 28 декабря ее не стало. Это случилось ровно три года спустя, день в день, после обручения ее со своим вторым мужем.

В Петербурге известие о смерти королевы Вюртембергско было получено лишь 24 января 1819 года. В. А. Жуковский на кончину Екатерины Павловны написал стихотворение:

Ты улетел, небесный посетитель,
Ты погостил недолго на земле.
Мечталось нам, что здесь твоя обитель,
Уже своим тебя мы нарекли...
Пришла судьба, свирепый истребитель
И мы следов твоих уж не нашли.
Прекрасное погубило в дивном цвете...
Таков удел прекрасного на свете...
О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты,
И где навек минувшее одно...

В последние годы своего царствования император Александр I неоднократно предпринимал продолжительные путешествия по своей обширной империи. Осенью 1825 года он отправился в Новороссийский край, в Таганрог, куда по совету врачей поехала его супруга Елизавета Алексеевна для восстановления здоровья. Устроив все необходимое для отдыха императрицы, Александр I поехал в Крым. До сих пор император был здоров и не чувствовал никаких недугов, если не считать головных болей и беспокойство от старой раны на ноге, полученной в результате ушиба в начале 1824 года. Во время поездки по Крыму Александр I простудился и в Мариуполе 4 ноября заболел лихорадкой, приступ которой почувствовал еще раньше, в Бахчисарае. На следующий день император вернулся обратно в Таганрог и слег в постель. Предположение, что недуг будет неопасным и его можно будет преодолеть, не подтвердилось: врачи оказались беспомощными. Александр I, старший брат

Павла и любимый внук Екатерины II, в 11 часов утра 19 ноября 1825 года умер в присутствии супруги, закрывшей ему глаза.

В связи со смертью российского императора Александра I двор и вся Русская армия по приказанию короля три недели носили траур по умершему государю. Фридрих-Вильгельм III отправил представителем на похороны Александра I своего второго сына, принца Вильгельма. Летом 1826 года, в середине июля, в Петербург приехал другой брат императрицы, принц Карл, который представлял своего отца на торжестве коронации Николая I.

Сын Павла I, Николай, родившийся 25 июня 1796 года, только несколько месяцев находился под покровительством своей бабушки – императрицы Екатерины II. Он не имел таких учителей и воспитателей, какие были у его старших братьев, и вырос под непосредственным наблюдением отца и, главным образом, матери. Павел страстно любил своих малолетних детей, особенно Николая. По этому поводу Анна Павловна, будущая королева Нидерландская, оставила такую запись: «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими, чтобы познакомиться с ними».

Вечером 11 марта 1801 года, в последний день своей жизни, император Павел I посетил в Зимнем дворце великого князя Николая, которому уже шел пятый год. Ребенок обратился к родителю с вопросом, отчего его называют Павлом Первым? «Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня», – отвечал ему император. «Тогда, – отвечал ему великий князь, – меня будут называть Николаем Первым». – «Если ты вступишь на престол», – заметил ему отец. Погрузившись снова в раздумье и устремив продолжительный взгляд на сына, Павел Петрович крепко поцеловал его и быстро удалился...

С раннего детства, несмотря на усиленные попытки императрицы дать сыну в образовании больше научных знаний, Николай все больше увлекался военным делом. Историографы утверждают, что из других предметов он особенно интересовался русской историей. Так, уже в десять лет великий князь знал наизусть военную историю России. Он говорил быстро и легко, изъяснялся так же свободно по-французски, по-немецки, как по-русски.

Николай вместе с Михаилом с ранних лет с удовольствием занимался физическими упражнениями: верховой ездой и фехтованием. Но с самого детства его влекло к военному искусству: он мог целыми часами слушать рассказы о войнах и сражениях. С восторгом великий князь отправлялся с наставником в день парада на место развода. Николай не знал для себя большего удовольствия, чем одеваться в мундир своего Измайловского полка.

В грозный 1812 год великому князю Николаю Павловичу исполнилось 16 лет, а его брату Михаилу Павловичу – 15. Оба очень просили и мать и царствующего брата взять их на войну, но получили от них решительный отказ. Император Александр I все же разрешил брату Николаю в 1814 году принять участие в заграничном походе против Наполеона. Когда великий князь прибыл в действующую армию, русские войска уже заняли Париж.

С образовательными целями Николай Павлович посетил Бельгию и Голландию, побывал в Англии. Подчеркнем особо, что пребывание великого князя в Берлине имело для него лично важное значение, так как здесь он встретился с дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы – принцессой Шарлоттой. Между ними сразу же возникла взаимная симпатия, и они дали друг другу слово быть навеки вместе, не зная того, что их брак был заранее предрешен царствующими домами. Это объяснялось теми тесными династическими связями, которые укрепились к описываемому времени. Будущий российский император Николай I вырос уже в среде, сложившейся с появлением в России Гольштейн-Готторпской династии. Общеизвестны симпатии Павла I в Пруссии и сильное

вливание на него немцев, благодаря вюртембергскому родству императрицы. Известно также значение прусской дружбы во всей жизни и деятельности Александра I. Родственные чувства и отношения царской семьи охватывали, кроме ее русских представителей, многочисленную родню – веймарскую, баденскую и т. д.

Что касается династических связей между Российским Домом Романовых и Прусской королевской фамилией, то их начало относится ко времени общей борьбы против Наполеона. Блестящие успехи русского оружия в Отечественной войне 1812 года обеспечили независимость Пруссии и всей Германии. После Лейпцигской битвы у прусского короля и русского императора зародилась мысль скрепить личную дружбу родственными узами между их царственными семьями.

Заметим, что, несмотря на вековые союзнические отношения России с Пруссией, Российский Императорский Дом ни разу до того еще не роднился с прусской королевской фамилией. В первой половине XVIII столетия речь шла о браке между старшим сыном короля Фридриха-Вильгельма II, наследным принцем Фридрихом, с принцессой Анной Мекленбургской, племянницей императрицы Анны Иоанновны и будущей наследницей русского престола.

Старый король был согласен на такой брак. Еще в сентябре 1731 года Фридрих-Вильгельм II писал своему посланнику в Петербурге Мардефельду: «Хорошо, пусть старший сын мой отречется и будет русским императором, другой сын – королем прусским. Вы должны работать в этом смысле, вести все переговоры самым тайным образом, а также ничего не говорить Левенвольду». Однако брак этот не состоялся отчасти из-за приисков Венского двора, но главным образом вследствие нежелания кронпринца Фридриха отречься от своих наследственных прав на прусский престол.

Когда спустя десять лет императрица Елизавета Петровна искала невесту для племянника, великого князя Петра Федоровича, и русский канцлер граф Бестужев-Рюмин указал государыне на принцессу Амалию, сестру прусского короля Фридриха, то последний подписал своему представителю в российской столице «избегать и уклоняться от всяческих рассуждений о браке».

Кабинет-секретарь Эйхель писал 19 июля 1742 года министру иностранных дел графу Подевиллю: «Его королевское величество знать ничего не хочет о русском свадебном деле». Но когда Фридрих узнал о предложении женить великого князя на саксонской принцессе, то постарался расстроить этот брак, опасный для Пруссии. Он поручил Мардефельду обратить внимание императрицы на единственную дочь принцессы Ангальт-Цербстской, «которой хотя всего лишь четырнадцать лет, но она прекрасна, статна и уже вполне развита... Что же касается до сестер моих, – тут же прибавил он, – то вам достаточно известно решение мое не выдавать ни одной из них замуж в Россию. Итак, вы должны ловко устроить, чтоб мне о том никогда не говорили». Идея прусского короля Фридриха II, изложенная в письме от 22 октября 1743 года, как известно, осуществилась: невестой и затем супругой Петра Федоровича и стала принцесса Ангальт-Цербстская, в православии Екатерина II, бабка Александра I.

Таким образом, решение прусского короля Фридриха-Вильгельма III вступить в родственную связь с Российским Императорским Домом противоречило семейным традициям Гогенцоллернов. От брака его с королевой Луизой, скончавшейся в 1810 году, у Фридриха было четыре сына и три дочери. Старшей дочери, принцессе Фридерик-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине, к 1812 году уже исполнилось шестнадцать лет. Ее-то и предлагалось выдать за второго брата императора Александра, тогда еще восемнадцатилетнего великого князя Николая Павловича.

Из «Дневника» графини Фосе, обер-гофмейстерины Прусского двора, воспитывавшей детей после смерти королевы Луизы, узнаем, что вскоре после Лейпцигской битвы король Фридрих-Вильгельм III прибыл на несколько дней из армии в Берлин и там поведал о своем намерении графине Фосе. Последняя обратилась к придворному проповеднику Заку с вопросом: как быть с переменою веры, требуемую русскими законами? Тот ответил, что так

как принцесса еще не подтверждена в евангелическом исповедании, то она вправе, если пожелает, принять православную веру.

В январе 1814 года, когда русские и прусские войска вступили в пределы Франции, прусская королевская семья возвратилась из Штутгарта в Берлин. Вскоре через прусскую столицу проехала, направляясь в Карлсруэ, императрица Елизавета Алексеевна. Она лично познакомилась со своей будущей золовкой, которая, по словам графини Фосе, «выглядела прекрасно и превосходно вела себя». Вслед за императрицею 24 января 1814 года в Берлин прибыли следовавшие в главную квартиру русской армии великие князь Николай и Михаил. Кстати, молодые путешественники соблюдали строжайшее инкогнито, странствуя под именем графов Романовых. На следующий день они сделали визит детям короля в замке, и здесь великий князь Николай Павлович впервые увидел свою будущую невесту. Он сразу понравился миловидной принцессе, которая в свою очередь произвела на него сильное впечатление. В честь великих князей был дан парадный обед, вечером их высочества посетили оперу. В ту же ночь братья Александра I выехали в Берлин. Графиня Фосе вручила им письмо на имя прусского короля, в котором извещала его, что «ввиду известных предположений, ей в особенности понравился старший из великих князей».

По случаю возвращения русских войск из французского похода в Берлине состоялись праздники. Когда 2 августа русская гвардия из Потсдама прибыла в Берлин, вдоль его главной улицы, от королевского замка до Бранденбургских ворот, были расставлены столы, за которыми русские солдаты сидели с прусскими. Празднества завершились 4 августа большим обедом в замке короля – присутствовало более 600 человек.

В начале сентября Фридрих-Вильгельм III должен был отправиться на конгресс в Вену. За день до его отъезда обер-гофмейстерина графиня Фосе открыла принцессе Шарлотте желание короля выдать ее замуж за великого князя Николая Павловича. Принцесса не возражала, лишь заметив, что ей будет тяжело расставаться с нежно любимым отцом. Ее сдержанность вполне объяснялась девичьей застенчивостью. Более откровенной она была со своим любимым братом, принцем Вильгельмом и в письме к нему призналась, что молодой русский великий князь, которого она видела всего лишь один раз, пришелся ей по сердцу. Николай Павлович со своей стороны восторженно отозвался о принцессе императору Александру и еще во время французского похода сказал о своих чувствах королю, ее отцу.

О том, что политические разногласия не нарушали согласия и личной дружбы двух монархов, видно из письма Фридриха-Вильгельма III императору Александру от 22 декабря 1815 года. «Дружба моя к вашему величеству, – писал прусский король русскому императору, – обратилась для меня в истинную религию. Я никогда не забуду, государь, ни оказанных мне вами услуг, ни того благородства чувств, коими вы их сопровождали. Мои подданные так же будут помнить их, как и я...»

Осенью 1815 года русские войска снова с берегов Рейна возвращались в Россию через Пруссию. В Берлине была приготовлена торжественная встреча гренадерскому полку, шефом которого являлся прусский король. К этому времени сюда прибыл император Александр с великим князем Николаем Павловичем и двумя сестрами: вдовствующей принцессой Ольденбургской Екатериной Павловной и великой герцогиней Саксен-Веймарской Марией Павловной. 23 октября 1815 года, когда русский полк вступил в Берлин, в замке был дан большой обед. В отдельной зале находился стол для высочайших особ, к которому пригласили главнокомандующих обеими армиями, генерал-фельдмаршалов Барклай-де-Толли и Блюхера. Другие гости обедали в соседних залах. Посреди обеда император Александр I и король Фридрих-Вильгельм III встали со своих мест и провозгласили здоровье помолвленных – великого князя Николая и принцессы Шарлотты.

Родители молодоженов решили отложить бракосочетание до достижения Николаем Павловичем совершеннолетия. А до того времени великий князь должен был завершить свое образование путешествием по странам Европы. Принцесса в это же время

наставлялась в правилах православной веры командированным с этой целью в Берлин протоиереем Музовским.

31 мая 1817 года принцесса Шарлотта выехала из Берлина в Петербург в сопровождении брата принца Вильгельма и лиц королевского двора. Поезд, состоявший из двенадцати экипажей, отправился в Данциг, а оттуда – в Кенигсберг. В Мемеле невесту встретил великий князь Николай Павлович и сопровождал ее до Петербурга.

19 июня 1817 года состоялся торжественный въезд в Петербург прусской принцессы Шарлотты – невесты великого князя Николая Павловича. В золотой карете, запряженной шестью лошадьми, ехали обе императрицы и принцесса в сопровождении камер-пажей верхом. Гвардия стояла шпалерами и после проезда придворных экипажей последовала за ними на Дворцовую площадь, где проходила церемониальным маршем мимо императора.

Через день, 24 июня, состоялся обряд миропомазания: после входа императорского семейства в церковь, когда Мария Федоровна взяла за руку принцессу Шарлотту и подвела ее к митрополиту, стоявшему в царских вратах, началось священнодействие. Несколько взволнованная принцесса произнесла громко и твердо символ веры. Одобряющий взор вдовствующей императрицы поддерживал невесту великого князя, а потом Мария Федоровна проводила ее к святому причастию.

25 июня, в день рождения великого князя Николая Павловича, состоялось обручение. В центре церкви находилось возвышенное место, покрытое малиновым бархатом с золотым галуном. Перед царскими вратами стоял аналой, на котором лежали святые Евангелие и Крест, а рядом с аналоем – небольшой столик для обручальных колец и свечей на золотых блюдах. Сам император Александр I подвел великого князя, а вдовствующая императрица Мария Федоровна – его невесту. Митрополит Амвросий надел августейшим новобрачным кольца, и чета молодых начала принимать поздравления от императорской фамилии и высшего духовенства.

В этот же день был обнародован следующий манифест: «Божьею милостию, мы, Александр первый, император и самодержец всероссийский и проч. Всемогущий Бог, управляющий судьбами царств и народов, изливавший в недавние времена толикия милости и щедроты на Россию, обращает и ныне милосердный на нее взор свой. Воле Его святой угодно, да умножится российский императорский дом и да укрепится в Сил с и славе своей родственными и дружескими союзами с сгильнущими на земле державами. Помазанию и благословиению Того, в Его же деснице сердце царей, и с согласия вселюбнейшей родительницы нашей государыни императрицы Марии и Федоровны мы совокупно с его величеством королем Прусским Фридрихом-Вильгельмом III положили на мере, избрать дочь его, светлейшую принцессу Шарлотту, в супруги вселюбнейшему брату нашему вел. кн. Николаю Павловичу, согласно собственному его желанию. Сего июня в 24-й день по благословиению и благодати Всевышняго восприняла она православное греко-российской церкви исповедание и при святом миропомазании наречена Александрой Федоровной; а сего же июня, 25-го дня, в присутствии нашем и при собрании духовных и светских особ, в придворной Зимнего дворца соборной церкви, совершено предшествующее браку высокочетающихся обучение. Возвещая о сем верным нашим подданным, повелеваем её, светлейшую принцессу, именовать великой княжной с титулом ее императорского высочества. Дан в престольном нашем граде Санкт-Петербурге июня 25-го в лето от Рождества Христова 1817, царствования нашего в седьмое на десять».

Ко дню венчания, назначенному на 1 июля, в Петербург съехалась вся императорская семья. Даже цесаревич Константин Павлович прибыл из Варшавы, чтобы участвовать в торжестве. После венчания в Зимнем дворце был дан обед для особ первых трех классов и придворных чинов, а вечером бал.

В 10 часов новобрачные отправились в Аничков дворец, подаренный им Александром. Там их встретили с иконами и хлебом-солью император Александр Павлович и императрица Елизавета Алексеевна, а прибывший из Берлина фельдъегерь вручил им поздравительное письмо от прусского короля.

Первые дни после свадьбы новобрачные провели в Павловске. Затем последовал целый ряд блестящих празднеств в Царском Селе, Стрельне, Петергофе, Ораниенбауме, которые продолжались до самой осени. В них принимали участие принц Вильгельм и чрезвычайный посол прусского короля, отправленный им в Петербург для поздравления дочери и зятя, – князь Антон Радзивилл.

Великая княгиня Александра Федоровна 17 апреля 1818 года в Москве родила сына-первенца, названного Александром. Как только прусский король Фридрих-Вильгельм узнал о рождении внука, он решил лично навестить в России свою дочь и зятя, а также своего лучшего друга, императора Александра Павловича. Путь короля проходил через Познань и Кенигсберг прямо в Москву, где в то время находился императорский двор. Вместе с ним были его сыновья, наследный принц Фридрих-Вильгельм и принц Карл. На границе королевскую семью встретил генерал-адъютант князь В. С. Трубецкой, назначенный состоять при прусском короле на время пребывания его в России. В Орше к королевскому поезду присоединился барон И. И. Дибич – начальник главного штаба его императорского величества. Сам император Александр с цесаревичем Константином и великими князьями Николаем и Михаилом выехали встречать своего высокого гостя за двадцать верст до столицы.

Торжественный въезд прусского короля в Москву происходил 4 июня «через Драгомиловскую заставу при пушечной пальбе и колокольном звоне». С большим интересом смотрел король на святилище русской земли – Кремль, на древнюю столицу Русского царства. Первые три дня пребывания гостей в Москве были посвящены осмотру ее достопримечательностей и отдыху в семейном кругу.

Затем начались празднества, поразившие короля и его сыновей своим блеском и великолепием. Независимо от приемов при дворе, их ряд открылся блестящим балом, данным московским генерал-губернатором. Русские вельможи также дали роскошные праздники: князь Н. Б. Юсупов в Архангельском и граф Д. Н. Шереметев в Останкине.

О пребывании в Москве прусской королевской семьи сохранился рассказ очевидца – графа П. Д. Киселева, состоявшего тогда при наследном принце Пруссии. По его словам, король спросил графа Толстого: не осталось ли в городе здания, с которого можно было бы осмотреть страшные развалины от наполеоновского нашествия. «Граф Толстой, – сообщает Киселев, – возложил этот розыск и сопровождение августейших гостей на меня, как на москвича и молодого человека. Я повел их на Пашковскую вышку. Только что мы все влезли туда и окинули взглядом этот ряд погорелых улиц и домов, как, к величайшему моему удивлению, старый король, этот деревянный человек, как его называли, стал на колени, приказав и сыновьям сделать то же. Отдав Москве три земных поклона, он со слезами на глазах несколько раз повторял: „Вот наша спасительница!“».

Пробыв в Москве одиннадцать дней, король и принцы вместе со всей императорской фамилией выехали в Петербург. Там высоких гостей ожидали новые торжества: балы, охоты, парады, смотры, поездки по окрестностям: в Царское Село, Павловск, Петергоф, Ораниенбаум.

Осенью 1820 года Николай Павлович и Александра Федоровна предприняли продолжительное путешествие за границу. Оно было вызвано, главным образом, слабым состоянием здоровья великой княгини, которая по совету врачей должна была провести зиму в родном климате. Николай Павлович отвез свою жену в Берлин, а сам вместе с королем на короткое время поехал в Троннау, где находились русский и австрийский императоры, прибывшие туда на Европейский конгресс.

Из семи детей императора Николая I следует сказать о двух дочерях, вышедших замуж за иностранных принцев. Великая княжна Ольга Николаевна (1822-1892) в 1846 году вышла замуж за Вюртембергского наследного принца Карла-Фридриха-Александра, ставшего в 1864 году королем Вюртембергским Карлом I. Историографы особо отмечают третью дочь Николая I – Александру (1825-1844), которая отличалась редкой красотой, музыкальными способностями. Она, в частности, имела выдающиеся вокальные данные – занималась пением.

Приглашенный из Италии учитель пения Солива обратил внимание на непрекращающийся кашель великой княгини, но придворным медикам это высказывание не понравилось (восприняли как вмешательство в их компетенции), и он был уволен. Из всех только лейб-медик Мандт подтвердил свою солидарность с мнением итальянского учителя в оценке здоровья Александры Николаевны, но его тоже не слушали.

Когда Александре Николаевне исполнилось девятнадцать лет, родители стали подумывать о ее замужестве. Претендентом на руку и сердце великой княгини явился сын ландграфини Гессен-Кассельской Луизы-Шарлотты и ландграфа Вильгельма принц Фридрих-Вильгельм, наследник Датского престола. Он прибыл летом 1843 года в Петербург, провел несколько месяцев в Петергофе. Ему понравилась великая княжна Александра Николаевна, отвечавшая также взаимностью. Всем придворным врачам, кроме Мандта, казалось, что в здоровье Александры Николаевны наметились весьма благоприятные изменения.

Бракосочетание Александры Николаевны и Фридриха-Вильгельма Гессенского состоялось 16 января 1844 года, и молодая чета осталась жить в Зимнем дворце. Вскоре после свадьбы последовало ухудшение здоровья принцессы Гессен-Кассельской: чахотка быстро прогрессировала. Весной больную перевезли в Царское Село, где в ночь на 29 июня Александра Николаевна преждевременно разрешилась от бремени младенцем. В тот же день дочь Николая I скончалась.